

Ганс Христиан Андерсен

Снежная Королева

Сказка первая,
*в которой говорится о зеркале
и его осколках*

Ну, начнём! Вот дойдём до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь. Жил-был тролль, злой-презлой — сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором всё доброе и прекрасное почти исчезало, а всё плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось ещё отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нём, казались варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щёку. Тролля всё это очень потешало.

Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке.

Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искажённом виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Всё выше и выше, всё ближе к Богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекоосилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки надела-

ли несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случилось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь её дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились

все свойства целого зеркала. Другим людям осколки проникли прямо в сердце — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими «стёклами» не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала всё ещё летало по свету. Послушаем же про них.

Сказка вторая

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть уголок для садика, и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей — в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались. Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящику и разводили в них коренья для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящике рос небольшой розовый куст; и кусты эти чудесно разрастались. Однажды родители решили поставить оба ящика на дно желобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные грядки. Плети гороха свисали с ящиков зелёными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна — казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой

ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и при-

кладывали их к обмёрзшим стёклам;

лёд быстро оттаивал, появлялось чу-

десное окошечко — такое круглое-

круглое, — и в нём показывался

весёлый, ласковый глазок: это пе-

реглядывались мальчик и девочка,

Кай и Герда. Летом они одним прыж-

ком могли попасть друг к другу, зимой же

надо было сначала спуститься на много-

много ступенек, затем подняться на столько

же. А на дворе завывала метель.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл они бывают.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где снежный рой всего гуще; только она больше других снежинок и старается поскорее вернуться в чёрную тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь и заглядывает в окошки — тогда они покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это суцая правда.

— А Снежная королева не может ворваться сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть только попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, она и растает.

Бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

В тот вечер, когда Кай вернулся домой и уже почти совсем разделся перед сном, он вскарабкался на стул у окна и стал смотреть сквозь круглое окошечко в том месте, где лёд на стекле оттаял. За окном порхали снежинки; одна из них, очень крупная, упала на край цветочного ящика и вдруг начала расти. Росла-росла, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, который, казалось, был соткан из миллионов снежных звёздочек. Женщина эта, необычайно прекрасная, была вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда! И, однако, живая! Глаза её сияли как звёзды, но в них не было ни тепла, ни мира. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган

испугался и спрыгнул со стула, а мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но его сменила оттепель, а там пришла и весна. Солнце стало пригревать, показалась травка, ласточки принялись вить гнёзда под крышей, распахнулись окна, и дети стали снова сидеть в своём крошечном садике высоко над землёй.

В то лето розы цвели особенно пышно. Девочка выучила псалом, в котором упоминалось о розах, и, напевая его, она думала про свои розы. Девочка пела псалом мальчику, и он подпевал ей:

*Розы цветут... Красота, красота!
Скоро увидим младенца Христа.*

Взявшись за руки, дети пели, целовали розы, смотрели на солнечные блики и разговаривали с ними — в этом сиянии им чудился сам младенец Христос. Как прекрасны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз — казалось, они никогда не перестанут цвести!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонками его шею, но ничего не заметила в глазу, хотя мальчик мигал, стараясь освободиться от соринки.

— Должно быть, сама выскочила, — сказал он наконец.

Но в том-то и дело, что не выскочила. Это была не простая соринка, но крошечный осколок дьявольского зеркала — а мы, конечно, помним, что, отражаясь в нём, всё великое и доброе казалось ничтожным и скверным, всё злое и худое выглядело ещё злее и хуже и недостатки каждой вещи тотчас бросались в глаза. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но осколок остался.

— Что ты хнычешь? — спросил он Герду. — У! Какая ты сейчас некрасивая! Мне ничуть не больно!.. Фу! — закричал он вдруг. — Эту розу точит червь. Какие гадкие розы! А у этой стебель совсем скривился. Торчат в безобразных ящиках и сами безобразные!

Он толкнул ящик ногой, сорвал и бросил две розы.

— Кай, что ты делаешь? — вскрикнула девочка; а он, заметив её испуг, сорвал ещё одну и убежал от славной маленькой Герды в своё окно.

С того дня всякий раз, как девочка приносила ему книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; всякий раз, как бабушка что-нибудь рассказывала, он придирался к каждому слову; а потом... дошёл и до того, что стал её передразнивать: наденет очки и крадёт за нею, подражая её походке и голосу. Выходило очень похоже, и люди смеялись.

Вскоре мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел высмеять все их странности и недостатки, а люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А всему причиной был осколок зеркала, который попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всей душой.

И забавлялся Кай теперь по-другому — как-то рассудочно. Однажды в зимний день, когда шёл снег, он пришёл к Герде с большим увеличительным стеклом; поставил под падающий снег полу своего синего пальто и сказал девочке:

— Погляди в стекло, Герда!

Под стеклом снежинки казались гораздо более крупными, чем были на самом деле, и походили на роскошные цветы или десятиконечные звёзды. Они были очень красивы.

— Видишь, как хорошо сделано! — сказал Кай. — Снежинки гораздо интереснее настоящих цветов! И какая

точность! Ни одной кривой линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного погодя Кай пришёл в больших рукавицах, с салазками за спиной и крикнул Герде в самое ухо:

— Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками! — И убежал.

На площади катались толпы детей. Те, что были посмелее, прицеплялись к крестьянским саням и отъезжали довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый его разгар на площади появились большие белые сани. Тот, кто сидел в них, весь утонул в белой меховой шубе и белой меховой шапке. Сани дважды объехали площадь, а Кай живо прицепил к ним свои салазки и покатил. Большие сани быстрее понеслись

по площади и вскоре свернули в переулок. Тот, кто сидел в них, обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отцепить свои салазки, но седок в белой шубе кивал ему, и Кай мчался дальше. Вот они выехали за городскую заставу. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, так что ни зги не было видно. Мальчик попытался скинуть верёвку, которую зацепил за большие сани, но салазки его точно приросли к ним и всё так же неслись вихрем. Кай закричал во весь голос, но никто его не услышал. Снег валил, сани мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Весь дрожа, Кай старался прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась только таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в огромных белых кур. Но вдруг куры разлетелись во все стороны, большие сани остановились, и из них вышла высокая, стройная, ослепительно-белая женщина в шубе и шапке, запорошенных снегом. Это была сама Снежная королева.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз! Полезай ко мне под медвежью шубу.

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно провалился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

Ух! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал мальчика насквозь, дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным... На мгновение Каю показалось, будто он сейчас умрёт, но вдруг ему стало хорошо; он даже совсем перестал зябнуть.